

Навстречу Всесоюзному Некрасовскому празднику поэзии Завтра в Карабихе

Всесоюзный некрасовский праздник поэзии пятый раз придет завтра в залы музея, под сень древнего парка, соберет у эстрады многотысячных почитателей некрасовской поэтической музыки.

Каким он станет нынче, этот традиционный на нашей Ярославской земле праздник встречи с русской, советской поэзией, с музыкой, народным танцевальным, песенным искусством?

Слово — председателю областного оргкомитета по подготовке и проведению праздника поэзии, заместителю председателя облисполкома С. Н. ОВЧИННИКОВУ.

У него действительно уже, свои традиции, — сказал Сергей Николаевич, — свои постоянные гости, из-

вестные советские поэты, деятели искусства и культуры. И конечно же, всегда благодарная многотысяч-

ная аудитория. Поляна перед эстрадой — словно огромный зрительный зал под открытым небом, собирающий каждый год любителей поэзии, почитателей Некрасова. И хочется сказать доброе спасибо всем гостям Карабихи, участникам поэтического форума и всем, кто бережно и с любовью хранит для всех нас эти священные, дорогие русскому сердцу, заповедные места, постоянно ведет научные, исследовательские изыскания, приум-

ножая советское некрасоведение.

Каждый год в программе всенародного праздника появляется что-то новое. Вот и нынче работники Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника и реставраторы Ярославской научно-производственной реставрационной мастерской завершили пятилетнюю работу над созданием обширной экспозиции древнерусского народного искусства. В 17 залах (бывший келейный корпус) общей площадью 750 квадратных метров размещено около тысячи экспонатов — творения мастеров по дереву, металлу, кости, ткачеству, вышиванию. Самые ранние из них

относятся к XII веку, поздние — к двадцатому столетию. На этом огромном историческом периоде можно проследить развитие народного прикладного искусства, изменения уклада жизни, быта городского и сельского населения края.

— Кто будет нынче среди гостей Карабихи, и в первую очередь из видных мастеров советской литературы?

— Ее давний друг, председатель Всесоюзного оргкомитета по проведению Некрасовского праздника, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, секретарь правления Союза писателей СССР Алексей Александрович Сурков, лауреат Государ-

ственной премии СССР Лев Иванович Ошанин, лауреат Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького Юлия Владимировна Друнина, лауреат Государственной премии СССР Виктор Сергеевич Розов, поэт Марк Лисянский ивановский поэт, лауреат Государственной премии имени А. М. Горького Владимир Семенович Жуков, гости из Черасса Федор Моргунов и Василий Дергач, украинская поэтесса Нина Гватко, белорус Николай Аврамчик, киевлянин Юрий Сердюк... Как видите, представительный многонациональный круг гостей прибывает к нам в год славного юбилея 60-летия СССР.

ВЫСКАЗЫВАЛИ С Б предположения, что Н. А. Некрасова берегли от прямого участия в революционной борьбе, как декабристы берегли в свое время Пушкина. Конкретных фактов участия Некрасова в нелегальной работе у исследователей его жизни и творчества пока нет, но вся его деятельность — это борьба с самодержавием. Белинский, Чернышевский, Добролюбов, стоявшие во главе революционно-демократического движения, были не только близкими друзьями Некрасова, не только сотрудниками его журналов, но и его соратниками по борьбе.

Свое место среди революционных демократов сам поэт определил в стихотворении, написанном незадолго до смерти:

Узы дружбы, союзов
сердечных —
Все порвалось:
мне с детства судьба
Посыпала врагов
долговечных,
А друзей уносила
борьба...

Нетрудно догадаться, кого называет здесь своими друзьями Некрасов: Белинского, которого от заключения в Петропавловскую крепость спасла только смерть; Михайлова, арестованного за провоз через границу прокламации, критиковавшей самодержавие; Чернышевского, сосланного в Сибирь за нелегальную революционную деятельность.

Трудно предположить, что поэт не знал, чем занимаются его ближайшие друзья, что он не принимал в этом деле непосредственного участия. Именно вокруг некрасовского «Современника» группировались будущие участники и организаторы первой тайной организации шестидесятых годов «Земля и воля». Именно в некрасовском «Современнике» был напечатан роман Чернышевского «Что делать?», ставший настольной книгой революционных демократов. Именно под руководством Некрасова в журнале «Отечественные записки» была продолжена идейная линия запрещенного самодержавием «Современника».

Одно из подтверждений

того, что Некрасов, как никто другой из русских писателей, был близок к революционному движению, — похороны поэта, превратившиеся в политическую демонстрацию. Члены «Земля и воля» несли венки с надписью: «От социалистов». С прощальной речью выступил Плеханов. «Я говорил языком, совершенно недопустимым с точки зрения полиции, — писал он. — Тесным кольцом окружающие меня землевладельцы и южно-русские бунтари ответили бы на полицейское насилие дружным залпом из револьверов. Это было твердо решено еще накануне похорон».

Думается, не случайно русские социалисты организовали вооруженную охрану похорон Некрасова. Сразу после его смерти был составлен так называемый «акт по исполнению воли завещателя», в котором был один весьма интересный пункт: «Наличных денег при самом завещателе вовсе не оказалось». Это обстоятельство вызвало в Петербурге различные толки, делались предположения, что его состояние было принесено в жертву «направлению». Даже называлась цифра в пятьсот тысяч рублей, якобы переданных поэтом «нигилистам», т. е. революционным организациям. Очень возможно, что эти предположения имели под собой реальную почву.

ПОД НАБЛЮДЕНИЕ жандармов Некрасов попал в самом начале своей общественной деятельности, и они не спускали с него недремлющего ока до самой смерти поэта. Расскажем только о двух случаях, а между ними — жизнь, полная тревог и борьбы...

В одном из залов музея Некрасова в Карабихе представлена копия с акварели художника Н. Степанова за 1840 год, названной «Донес Булгарина». Копия есть копия, большой музейной ценности она не представляет, однако обратить на нее внимание следует, и вот почему. На рисунке изображен Фаддей Булгарин — посредственный литератор, но деятельный агент третьего отделения по совместительству. Сначала он доносил на Пушкина, потом с таким же усердием принялся за Некрасова. Сыскной нюх у него был развитой, обострен-

ный — он верно угадал, кто в русской литературе наиболее талантлив и опасен для самодержавия.

Но вернемся к рисунку. На полусогнутых ногах, с заискивающим лицом, с журналом «Современник» и «Отечественные записки» под мышками Булгарин застыл перед столом, за которым развалились жандармы. А внизу под рисунком в

СТРАНИЦЫ ПЛАМЕННОЙ БОРЬБЫ

развернутом виде представлен вышущенный Некрасовым в 1848 году «Иллюстрированный альманах» — книга редкая, уникальная. Дело в том, что уже после того, как весь ее тираж был опечатан, сброшюрован и одобрен цензурой, неожиданно книга была запрещена. Сохранилось всего несколько экземпляров, украденных со склада, где книга находилась до уничтожения. На рисунке слева от титульного листа мы видим танцующего с дамой военного, внизу подпись: «Смолоду я был хорош собою, ловко танцевал мазурку и нравился женщинам...»

Вглядимся в этот рисунок. Знакомая фигура, то же одутловатое лицо с помыслым носом, бугристый лоб, длинные бакенбарды. Здесь художник Н. Степанов, которого Некрасов привлек к работе над «Иллюстрированным альманахом», как бы повторил свою карикатуру на Булгарина, только одел его в военную форму. Подпись более чем многозначительная: Булгарин и теперь, спустя годы, не оставил своего подлого занятия, то есть опять доносит.

Спрашивается, не сыграл ли этот рисунок какую-то роль в истории с запрещением «Иллюстрированного альманаха»? Книга уже была разрешена к печати — и вдруг запрещение. В чем дело? Неужели цензор пропустил нечто предосудитель-

ное? Однако Некрасов печатал в своем «Современнике» и гораздо более «предосудительное» с точки зрения цензуры. В эту книгу вошли «Семейство Тальниковых» Панаевой, «Ползунков» Достоевского и еще несколько произведений, критическое начало в которых присутствовало в разной степени. Но этим и отличался некрасовский «Современник».

Впрочем, надо учитывать, что появление альманаха совпало с начавшейся реакцией, которой самодержавие ответило на европейские события 1848 года. «Самый отчаянный коммунист... страшно вопиет в пользу революции» — эти слова Булгарина о Некрасове широко известны. Менее известны обстоятельства, при которых «Иудушка Булгарин» дал эту высокую в нашем понимании оценку личности поэта.

ВЕСНОЙ 1848 года третье отделение получило анонимное письмо, в котором автор предрекал революцию и крушение монархии, при этом использовал стиль манифеста Николая I от 14 марта. Стилизация была сделана опытной рукой, и Булгарин сделал вывод, что автор письма имеет прямое отношение к литературе. Но кто именно?

Профессиональному дощику Булгарину были известны десятки литераторов, которых можно было бы подозревать, но он остановил внимание только на двоих — Вуткове и Некрасове. «Более и смелее других вопиют в пользу революции молодой писатель Вутков, сотрудник «Отечественных записок» и «Современника», автор юмористического сочинения «Петербургские вершины», и Некрасов, издатель «Современника».

Тут же он дает совет изучить почерки этих авторов. И вот 28 марта оба писате-

ля получили послания из третьего отделения, на которые были вынуждены ответить письменно. К большому разочарованию жандармов, почерки Вуткова и Некрасова не были похожи на почерк автора письма.

Не исключено, что «догадка» Булгарина в отношении Некрасова имела под собой серьезные основания. Так или иначе, но с этого времени третье отделение установило за квартирой поэта постоянное наблюдение, фиксировало каждый его шаг. Напрашивается вопрос: не был ли рисунок в «Иллюстрированном альманахе», изображающий доносчика Булгарина, ответным ударом Некрасова?

Сохранился документ, датированный 31 октября 1849 года и подписанный Дубельтом, где указано, что «шеф жандармов имеет неблагоприятные сведения на счет образа мыслей редактора «Современника» г-на Некрасова. Должно наблюдать за ним».

В ЭКСПОЗИЦИИ нашего музея хранится книга «Архив села Карабиха». Судьба у нее интересная, необычная.

В 1902 году Россия отмечала 25-летие со дня смерти поэта. В Ярославле в связи с этим было решено открыть Некрасовскую выставку. За помощью в устройстве ее обратились к брату поэта Федору Алексеевичу. Вот тогда-то Федор Алексеевич и вспомнил, что в 1875 году в усадьбе неизвестно по какому поводу ждали обыска и он собрал в восточном флигеле бумаги поэта и через узенькое окошко спустил их в подвал центрального дома.

Сыновья Федора Алексеевича сумели проникнуть туда и извлекли на свет связку бумаг. В ней оказались тетрадь стихотворений, с которой Некрасов приехал в Петербург из Грешнева, черновики написанных в Карабихе поэм, письма, стихи и проза разных лет.

Самой ценной и неожиданной находкой оказалась рукопись незаконченного романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова». Над ней Некрасов работал в 1843 году. Через три года очерк из этого романа под названием «Петербургские углы» был опубликован в составленной Некрасовым книге «Петербургский сборник». В объявлении о под-

писке на журнал «Современник» сообщалось, что роман будет опубликован полностью, однако читатели не увидели больше ни одной его страницы.

Появление «Петербургского сборника» впервые привлекло к Некрасову, не без помощи Булгарина, внимание третьего отделения. Возможно, по этой причине Некрасов и не закончил работу над романом, это же, вероятно, побудило его позднее переправить рукопись в Карабиху — роман носил ярко выраженный критический характер.

Один из сыновей Федора Алексеевича — Константин стал в дальнейшем известным книгоиздателем. Он и выпустил эту книгу — «Архив села Карабиха».

Сейчас уже нельзя с полной определенностью сказать, все ли спрятанное в подвале центрального дома усадьбы сохранилось к 1902 году, когда был найден этот архив. Но обрадует на себя внимание один интересный факт.

В 1927 году известный исследователь творчества Некрасова В. Евгеньев-Максимов встречался в Карабихе с вдовой брата поэта Натальей Павловной, которая вспоминала, что самые важные бумаги, самые опасные в политическом отношении, были спрятаны где-то в кладовой винокурного завода. Той кладовой, о которой Наталья Павловна говорила, что она давно не существует. Однако напрашивается вопрос: точно ли знала она, где эти бумаги были спрятаны?

Другой вопрос — какого обыска ждали в Карабихе в 1875 году. Не связан ли был он с явлением, которое получило название «хождение в народ», когда революционная молодежь направлялась в деревню, чтобы внести в сознание крестьян идеалы справедливого общественного строя? Стихи Некрасова в ее руках были верным и надежным оружием.

После его смерти прошло свыше ста лет, но и сейчас исследователей его жизни и творчества ждут еще неожиданные находки.

Открытие Некрасова продолжается...

Б. СУДАРУШКИН,
заведующий музеем
Н. А. Некрасова в Карабихе.